

НАВЕРНОЕ, НЕТ МЕСТА В ЦИВИЛИЗОВАННОМ МИРЕ, ГДЕ БЫ НЕ ОТКЛИКНУЛИСЬ НА СТОЛЕТИЕ ДМИТРИЯ ШОСТАКОВИЧА. ПОСВЯЩЕННЫЕ ЕМУ КОНЦЕРТЫ И ФЕСТИВАЛИ ПРОХОДЯТ ВО МНОГИХ СТРАНАХ. 25 СЕНТЯБРЯ, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ КОМПОЗИТОРА, В МОСКВЕ В БОЛЬШОМ ЗАЛЕ КОНСЕРВАТОРИИ БУДУТ ИСПОЛНЕНЫ ЕГО ВОСЬМАЯ СИМФОНИЯ (ДИРИЖЕР МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ) И СКРИПИЧНЫЙ КОНЦЕРТ № 1 (СОЛИСТ ВИКТОР ТРЕТЬЯКОВ), В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ ПОКАЖУТ «ЛЕДИ МАКБЕТ» (ДИРИЖЕР ГЕННАДИЙ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ)

ОЧЕВИДЕЦ

Ольга МАРТЫНЕНКО

СЕЙЧАС ВДРУГ ВЫЯСНИЛОСЬ, ГОВОРIT РОДИОН ЩЕДРИН, ЧТО С ШОСТАКОВИЧЕМ ДРУЖИЛИ ВСЕ КОМУ НЕ ЛЕНЬ, ЧТО ОН ИСПОВЕДОВАЛСЯ НАПРАВО И НАЛЕВО: КОГО ВСТРЕТИТ, ТОМУ И ИСПОВЕДУЕТСЯ. ВРЕМЯ У НАС ТАКОЕ, САМОЗВАННОЕ.

— Но вас судьба действительно свела с ним довольно давно: в 9 лет в эвакуации в Куйбышеве вы слушали на генеральной репетиции его Седьмую симфонию под управлением Самуила Самосуда.

— Конечно, в неразумном возрасте я мало что соображал, но я видел, с каким благоговением к нему относится отец. Повзрослев, я до конца его дней жадно и восторженно слушал все его новые сочинения и, помимо этого, имел счастье многократно с ним общаться.

Шостакович был и остается моим богом. Это был великий композитор и великий человек. Он был не-

Дмитрий Шостакович: «Сознание мое всегда наполнено музыкой».

ИТАР-ТАСС будет Марис Янсонс, инициатор фестиваля. Пройдет встреча с участием Славы Ростроповича, самого Янсонса, англичанки Элизабет Уилсон, написавшей книгу о Шостаковиче, нашего музыковеда Менашира Якубова, меня тоже пригласили.

Каждому произведению предшествует некий толчок. В конце октября в Большом зале Московской консерватории состоится премьера моей новой оперы «Боярыня Морозова», которую я закончил в июле. К этому сочинению я шел 40 лет, искал пути, как к этой теме подобрать. Потом идея наконец-то явилась, и я написал оперу за месяц.

А у «Диалогов» такая предыстория: Марис Янсонс, который руководил Питтсбургским симфоническим оркестром, одним из лучших в мире (сейчас знаменитый дирижер возглавляет два потрясающих европейских оркестра — Баварского радио в Мюнхене и Концертгебау в Амстердаме), в 2002 году заказал мне оркестровое сочинение. Он планировал концерт в Карнеги-холле, в программе которого была бы только современная музыка XX века — Шостакович (оркестровая сюита из «Катерины Измайловой»), Бриттен и Барток. И я решил свое сочинение соотнести с Шостаковичем (не цитируя его), чтобы передать восхищение этим музыкантом и человеком, вспомнить наши встречи, разговоры и воплотить это миром звуков. Янсонс настолько хорошо его сыграл, что я спросил его разрешения посвятить ему партитуру.

— Я читала, что вы мысленно продолжаете свои диалоги с Шостаковичем.

— Ну, сейчас сюда можно подключить любую литературу. Но музыка со словом никак не соседствует, это наш собственный мир, в котором мы ориентируемся по-своему: объясняемся, восторгаемся, негодуем, плачем, смеемся. Слово слишком конкретно, а мы все-таки в космосе. Так мне представляется.

— Вы ведь сменили Шостаковича и на официальном посту — председателя Союза композиторов России.

— Я совсем не жалею об этом. Сидя в кресле Шостаковича, я старался придерживаться традиций, которые он заложил в этой организации — благодаря присущим его характеру и воспитанию обязательности, участливости, доступности, внимательности к тому, что люди говорят и пишут. В чем они нуждаются. Это было для всех нас святым делом. Мы и помещение не поменяли: оно находилось в том же доме, где жил Шостакович, ему только нужно было спуститься пятью этажами ниже.

— И на первом перестроечном съезде Союза исполнили его прежде не звучавший на публике «Антиформалистический раек».

— Да, вместо отчетного доклада. Мне кажется, это убедительнее самого обстоятельного выступления.

— Какое же сочинение Шостаковича вам нравится больше всего? — Все нравится. Это как планеты вращаются вокруг Солнца, то одна ближе подходит, то другая. На то он и бог. Только играть его надо очень хорошо. Дурное исполнение ему вредит.

По телефону из Мюнхена

Футбол в яблоневоом саду

О ВЕЛИКОМ КОМПОЗИТОРЕ ВСПОМИНАЕТ РОДИОН ЩЕДРИН, АВТОР «ДИАЛОГОВ С ШОСТАКОВИЧЕМ»

обычайно участлив к людям, я могу сослаться на пример собственной семьи, но таких примеров можно собрать сотни. В Куйбышеве по его инициативе был учрежден Союз композиторов. Шостакович стал его председателем, а мой отец — ответственным секретарем. Это было доброе дело: члены союза получили другого цвета карточки — хлебные и продуктовые, что многих спасло от голода.

К нему всегда обращались с просьбами — у нас в России это принято. Барометр отношения к нему властей колебался от резких спадов до подъемов, но даже когда над его головой сверкали громы и молнии, он всегда был овеян мировой славой, его имя могло открыть любую дверь, поднять любую телефонную трубку. Люди этим пользовались, и он никогда им не отказывал и свои обещания доводил до конца. Меня он тоже поддерживал — и с «Кармен-сюитой», и с «Поэторией», его участие в судьбе этих сочинений было решающим.

То, что Шостакович причислен к сонму величайших композиторов планеты, азбучная истина. Но для меня он всегда был образцом исключительной человечности и смелости.

— Смелости?

— Да, он вступался за друзей в весьма рискованных ситуациях. После убийства Михоэлса арестовали композитора Вайнберга, женатого на его дочери, так Шостакович, презрев свои музыкантские дела, сумел выволить его из тюрьмы. Другой пример. Прослушав гимны — я слышал это от самого Дмитрия Дмитриевича, Сталин упрекнул Александра, что его гимн (который мы и сегодня поем) плохо оркестрован, надо бы сделать «оркестровку, как у Вагнера». О дальнейшем уже рассказывал Кондрашин.

Сталин спросил Александра: это вы сами оркестровали? Плохо оркестровано, профессор. Тот ответил, нет, Кнушевицкий, это он плохо оркестровал. Шостакович бросился на защиту Кнушевицкого, как лев: как можно говорить такое в отсутствие человека?

Должен заметить еще одну вещь: со Сталиным никто не сумел на равных поговорить по телефону — ни Булгаков, которого вождь сразил первой же фразой (что, мы вам очень надоели?), ни Пастернак, диалог которого с вождем Ахматова оценила на четверку. А Шостакович сумел выиграть у него телефонный раунд, а может быть, и матч. Это было в 1949 году, когда Шостакович отказался ехать в США на Конгресс сторонников мира и ни на какие уговоры не поддавался. Он отказал и Молотову.

Шостакович действительно был эталоном рыцарского служения искусству и человеческой порядочности. А уж о его обязательности, точности просто ходят легенды.

— Каким он был в быту?

— В 1964 году мы провели с ним целое лето в Армении: Шостакович был с Ириной Антоновной, я — с Майей Михайловной. Он обожал футбол, даже слушал репортажи по радио на армянском языке: его увлекала сама атмосфера матчей: накаты и откаты гула, крики восторга, разочарования, ликования. В Доме творчества композиторов в Дилижане сложились две футбольные команды. Капитаном одной был я, другой — Арно Бабаджанян. Шостакович нас судил и делал это с большим удовольствием. Поле было небольшое, неподалеку росли яблони. Когда мяч попадал в дерево, яблоки

сыпались на землю, наш грозный рефери давал продолжительный свисток: еще одно попадание во фруктовое дерево — я обе команды дисквалифицирую. Чудесное было время: поездки на озеро Севан, в маленькие городки, шашлыки на природе.

— Из чего сложились ваши симфонические этюды «Диалоги с Шостаковичем»?

— Бывают моменты, когда очень хочется послушать музыку. Чем становишься старше, тем круг этой музыки сужается. Шостакович в нем остается всегда. Недавно немцы меня спросили: какое сочинение Шостаковича вы хотели бы сейчас послушать? Я сказал: Восьмую симфонию. В начале октября в Мюнхене пройдет фестиваль, посвященный Шостаковичу. На нем сыграют Восьмую симфонию. Исполнят и «Диалоги с Шостаковичем». Дирижировать

Лучшее о Шостаковиче написано им самим

ЭПИСТОЛЯРИЙ

О.М.

Кажется, что после музыки композитор больше всего любил писать письма. В только что выпущенных издательством «Композитор» (СПб.) «Письмах к И.И. Соллертинскому» есть письмо, которое Шостакович сочинял, стоя в нескончаемой очереди на вокзале. Эти впервые опубликованные документы дополняют изданную в 1993 году тем же «Композитором» книгу Исаака Гликмана «Письма к другу», где собраны 300 писем Шостаковича с 1941 по

1974 год (более ранние пропали в блокаду). 172 «Письма к И.И. Соллертинскому» охватывают период с 1927 г. по начало 1944-го. Таким образом, эпистолярный обрел подобающую полноту. С музыковедом Иваном Соллертинским, человеком редкостной эрудиции, знавшим 22 языка, начинающий композитор познакомился в 1921 году, а сблизился в 1927-м и позже признавался, что обязан ему «всем своим развитием». Их дружба продолжалась до смерти Соллертинского в феврале 1944 года.

20–30-е годы прошлого столетия, как будто в преддверии грядущего

кладбищенского молчания, породили немало острологов, в среде которых молодой Шостакович со своим бьющим через край жизнелюбием чувствовал себя на равных. Это спасительное чувство юмора и самообладания он сохранил до конца дней. В 1936 году, после разгрома «Леди Макбет», интонация и стиль писем меняются, но при всех трагических перипетиях судьбы Шостакович сохранял поразительную выдержку и чувство собственного достоинства. Его письмо Соллертинскому дают непредвзятый портрет эпохи, но в первую очередь автора — личности импульсивной, сверхэмоциональной, постоянно встревоженной и самокритичной («в карты не везет, в любви не везет, в профессии не везет», 1936).